
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008:316.42

Е. М. Болдырева

Автобиографизм и автобиография: самоконструирование и семиотизация субъекта

В статье обозначается и комментируется проблема достоверности/недостоверности в автобиографии, возможности адекватного отражения реальности собственной жизни при помощи автобиографического письма и разграничиваются категории «*автобиографизм*» как принцип соотношения художественной и внехудожественной реальности, заключающийся в трансформации автором в собственных текстах автобиографического жизненного материала, и «*автобиография*» как особый литературный жанр, буквально «жизнеописание», который начал складываться в поздней Античности, дал блестящие образцы в литературе Средневековья, Возрождения, Просвещения, романтизма и достиг необычайной популярности в литературе XX в. В статье обосновывается концепция жанрового статуса автобиографического романа не как референциального документа, а как особой текстовой структуры. Автобиографизм имеет в качестве основной проблему референции (то есть соотношения лингвистической и экстралингвистической реальности) – при таком подходе все творчество практически любого автора оказывается так или иначе автобиографичным и стратегией исследования становится поиск тождества между семантическими конструкциями текста и индивидуальными психологически-биографическими характеристиками автора, выявление «степени» автобиографизма текста, его правдивости, документальности. Однако определение статуса автобиографии – это прежде всего проблема чисто текстовой реальности. Таким образом, оптимальная стратегия исследования автобиографического жанра – выявление специфики того или иного *семиотического кода выстраивания автобиографии*, системы координат, в которую автор встраивает свое жизнеописание, *автобиографической модели*. В статье также рассматриваются подходы к проблеме самопрезентации и самоконструирования субъекта в автобиографическом дискурсе, реализованные другими гуманитарными науками: философией, антропологией, психологией и др.

Ключевые слова: автобиография, автобиографизм, автобиографическая модель, семиотический код, самопрезентация, автобиографическая самоидентификация.

THEORETICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

Е. М. Boldyreva

Autobiographism and Autobiography: Self-Constructing and Subject Semiotization

In the article the problem of reliability / unauthenticity in the autobiography, a possibility of adequate reality reflection of own life by means of the autobiographical letter is designated and commented on, also are differentiated categories «*autobiographism*» as a principle of a ratio of art and extra art reality consisting in transformation by the author in own texts of the autobiographical life material and «*autobiography*» as a special literary genre, literally «*biography*», which started to develop in late antiquity, gave outstanding samples in literature of the Middle Ages, Renaissance, Enlightenment, Romanticism and was extremely popularity in the XX century literature. In the article is proved the concept of the genre status of the autobiographical novel, not as a referential document and as a special text structure. Autobiographism has as the main one, the reference problem (that is ratios of linguistic and extralinguistic reality) – at such approach all creativity practically of any author is anyway autobiographical, and research strategy is search of the identity between text semantic constructions and the author's individual psychological and biographic characteristics, identification of autobiographism «degree» of the text, its truthfulness, documentation. However determination of the e autobiography status is first of all a problem of text reality. Thus, the optimum strategy of the autobiographical genre research is to define specifics of this or that *semiotic code of forming the autobiography*, the system of coordinates, where the author builds in the biography, *autobiographical model*. In the article are regarded the approaches to the problem of the self-presentation and self-constructing of the subject in the autobiographical discourse, realized by other humanities: philosophy, anthropology, psychology, etc.

Keywords: autobiography, autobiographism, autobiographical model, semiotic code, self-presentation, autobiographical self-identification.

Несмотря на довольно высокую частотность использования термина «автобиография» в литературе, что должно свидетельствовать о его устоявшемся характере, слово «автобиогра-

фия» является относительно новым и начинает появляться в словарях лишь со второй половины XIX в. Возникающие же до этого момента в литературе XVII–XVIII вв. тексты подобного жанра получали иные наименования, которые можно считать своего рода «предтечами» термина «автобиография»: так, в русской литературе чрезвычайно распространенной была формулировка «жизнь, описанная им самим»¹, немецкие литературоведы предпочитали этому перифразу более четкий термин «Bildungsroman» (роман воспитания), а также понятия «Beichte» (в узком ограниченном смысле, как религиозная исповедь) и «Bekenntnis» (исповедь в более широком понимании). Это понятие стало заголовком немецкого перевода «Исповеди» Руссо. Вообще в этот экспериментальный период конструирования автобиографий и биографий на рубеже XVIII–XIX вв. немецкий язык более других колебался между различными терминами: Biographie (биография), Lebensbeschreibung (жизнеописание), Bekenntnisse (признания), Selbstbiographie (собственная биография), Selbstlebensbeschreibung (собственное жизнеописание). Во французской литературе использовалось понятие «confession» (исповедь, не случайно «Исповедь» Руссо квалифицируется французскими литературоведами как первая истинная автобиография [36, с. 280], итальянские писатели, как и русские, выбирали перифраз (Vita scritta da esso, которую Витторио Алфьери начал писать в 1790 г.).

Следующий этап функционирования термина – появление в первой редакции поэмы У. Вордсворта «Прелюдия» (1850) подзаголовка «Autobiographical Poem», трансформированного в окончательной редакции в «Развитие сознания поэта». В 1836 г. во Французский академический словарь, наконец, было включено слово «автобиография», однако не в ее современном смысле: «Autobiographie, s(ubstantif), f(eminin). Biographie faite a la main, ou manuscrite»² [33, с. 24]. Первым же словарем, предложившим понимание термина «автобиография» в современном смысле, стал Англо-немецкий Королевский словарь (1844): «Autobiography, s. Memoires of a man's life written by himself»³, впоследствии это определение перешло во Французский академический словарь (в 1856 г.) с пометкой «неологизм». В настоящее время термин широко используется во Франции, Англии, Америке и России, однако в немецком литературоведении он «не прижился» и был заменен прежними формами Lebensbeschreibung и Selbstbiographie.

Эволюция термина «автобиография» и ее неразрывная связь с категорией «истинности» и «исповедальности» объясняют тот факт, что в литературоведческой практике в качестве синонимичных начинают использоваться два совершенно разных понятия – автобиографизм и автобиография. Ряд исследователей, обращаясь к рассмотрению произведений автобиографической литературы, используют в качестве терминологической доминанты понятия «автобиографизм», «автобиографичность», «автобиографическое начало» и т. п., смешивая тем самым абсолютно разные категориальные парадигмы⁴ и основываясь на критерии достоверности, позволяющем решить проблему истинности / ложности автобиографии. Категория автобиографизма имеет в качестве основной проблему референции (то есть соотношения лингвистической и экстралингвистической реальности), и в этом смысле автобиографизм должно понимать в аспекте знаковости и рассматривать соотношение означаемого и означающего, реальной действительности и художественного текста⁵. Здесь исследователь неизбежно вынужден следовать традиционной методологии, в основе которой лежит концепция искусства как подражания (отражения) действительности. Еще Аристотель, рассуждая о характерах в литературе и их отличии от действительности, оспаривает мысль своего учителя Платона о том, что художественное подражание действительности есть ее «упрощение». Деятели культуры Возрождения определяли творчество как универсальный, преобразующий мир акт. Теоретики барокко сформулировали свой художественный принцип так: мир в творчестве есть воплощение моего, субъективного видения действительного мира. И. Кант продолжил эту мысль, противопоставив мир творчества миру бытия как царство художественного произвола царству природной необходимости. На этой почве романтики построили свою концепцию творческого субъекта и его самовыражения, самореализации в творчестве и постулировали тезис: произведение искусства есть наиболее полное воплощение самого творца. Подобные воззрения породили совокупность разнообразных литературоведческих школ – от биографического метода Ш. О. Сент-Бева, стремящегося через творческую личность охватить все многообразие жизненных впечатлений, нашедших отражение в тексте, до психологической школы, считающей источником искусства душевную жизнь автора, и многочисленных интуитивистских школ в европейской филологии

XX в. Однако при таком подходе оказывается, что все творчество практически любого автора так или иначе автобиографично и искать тождество между семантическими конструкциями текста и индивидуальными психологически-биографическими характеристиками автора – значит просто соединять методологию биографической и психологической школ. Подобный методологический симбиоз вряд ли окажется продуктивным, поскольку единственный вектор исследования, который он предлагает, – это выявление «меры и степени» автобиографизма, механическое разграничение «прямого» и «непрямого» автобиографизма (прямая «трансляция» жизненного материала или использование жизненного опыта не в качестве конкретного материала, а в качестве катализатора, или, как часто пишут, «духовного толчка»). Такая стратегия игнорирует специфику жанра (мемуары, рассказы или роман) и сводится просто к верификации (констатация того, что «это было в жизни автора и это есть в тексте»).

Выявление статуса автобиографии – это, прежде всего, проблема чисто текстовой реальности, *signification* (означивания, отношения одних означающих), и она предполагает работу в области текстовых структур⁶. Бессмысленно разделять текстовую и внетекстовую реальность: дихотомия *фабула* – *сюжет* давно себя скомпрометировала. Фабульное мышление предполагает, что существует некий объективный порядок событий в хронологической последовательности (от рождения до смерти человека), который может так или иначе трансформироваться в художественном тексте. «Но ни рождение, ни смерть не являются событиями в жизни того, кто рождается и умирает. О своем рождении ребенок узнает достаточно поздно и чаще всего не верит, что было время, когда он не существовал. Представление о том, что биография – это прямая линия, на которую нанизаны факты: рождение, крещение, учеба, служба, женитьба и т. д. – такой же частный случай (а не общее правило), как геометрия Евклида и физика Ньютона по отношению к геометрии Римана и к физике Эйнштейна» [21, с. 133].

Память и чувственное восприятие, на которые рассчитывает человек, познавая мир, могут обмануть; воспоминания, которые кажутся очевидными, могут быть навязанными извне другими людьми и при многократном повторении стать «своими». Традиционное общепринятое изложение своей биографии последовательно начиная с

рождения – это не что иное, как условность, «правила игры», принятые в определенной культурной ситуации. М. Гаспаров в послесловии к книге Светония приводит в качестве примера иной принцип построения биографии, когда все «пороки и добродетели» цезарей систематизируются и рубрицируются для удобства сопоставления с другими правителями [6, с. 351]. В христианской же культуре основным стал именно хронологический порядок описания событий своей жизни («законодателем» этой традиции можно считать Августина, сформулировавшего идею линейной философии истории). Таким образом, в зависимости от выбранной системы отсчета, системы ценностей жизнь одного и того же человека можно «превратить» в несколько абсолютно разных биографий (или автобиографий).

В своей книге «Морфология реальности» В. Руднев приводит в качестве примера наблюдение В. А. Успенского над спецификой биографических статей в Большой советской энциклопедии: так, о некоем Роберте Блейке, жившем в XVIII в. и прославившемся одновременно на двух поприщах – военном и дипломатическом, – написано две разные статьи (в первой он обозначен как Роберт Блэйк, а во второй – просто Блэйк), предлагающие две разные биографии одного и того же человека [21, с. 135]. Любой человек может написать бесчисленное множество своих автобиографий, встраивая свою жизнь всякий раз в разные «системы координат»: автобиография при поступлении на работу; автобиография, рассказанная знаменитостью в интервью корреспонденту; автобиография, рассказанная близкому человеку и т. д. – и все это будут разные автобиографии с разными аксиологическими центрами. Определенная «языковая игра» обуславливает определенный отбор событий и моделирует определенный сюжет. На жизнь человека как бы накладывается некая «сетка», определяющая порядок изложения и принцип отбора событий для автобиографии – изложение событий в хронологической последовательности есть фикция, это всего лишь один из вариантов такой «сетки», модель сознания, конституирующая автобиографию в нашей культуре [несложно представить себе иную культуру, где принят, например, обратный порядок изложения событий]. И в этом смысле даже так называемые «реалистические» автобиографические произведения («Детство», «Отрочество», «Юность» Л. Н. Толстого, «Былое и думы» А. И. Герцена, «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука»

А. Аксакова и т. п.) неверно было бы называть «правдивым и честным воспроизведением реальной жизни», поскольку несемантизированной автобиографии быть не может по определению. Условность «реалистических» автобиографических текстов всего лишь замаскирована – автор так или иначе, возможно и бессознательно, пользуется одной из таких «сеток», пусть даже и неявной, незаметной, одной из принятых «языковых игр». Любые референтные исследования, определяющие *точность – неточность* сведений, таким образом, оказываются не только непродуктивными, но и априори неверными. Оптимальная литературоведческая стратегия состоит не в том, чтобы анализировать соотношение фабулы (реальных обстоятельств жизни писателя) и сюжета, ибо нет объективной «цепочки» событий – она всегда выстроена искусственно чьим-то сознанием или определенным культурным канонам, ритуалом (свидетельства современников, заметки из дневника самого писателя, различные претендующие на достоверность мемуары оказываются мнимо объективными как уже художественно трансформированная реальность и не могут служить материалом для представления об «истинной жизни» писателя). Таким образом, предмет изучения для исследователя автобиографического жанра может быть определен следующим образом: необходимо выявить специфику той или иной «языковой игры», того или иного *семиотического кода* выстраивания автобиографии, той или иной системы координат, в которую автор встраивает свое жизнеописание, той или иной *автобиографической модели*. Репрезентативность подобного подхода подтверждается многочисленными работами по семиотике поведения, разработанной в трудах представителей московско-тартуской школы, прежде всего в исследованиях Ю. М. Лотмана [14].

Интересный образец анализа представлен в книге И. Паперно «Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма» [19], где автор стремится показать, как человеческий опыт, принадлежащий определенной исторической эпохе, трансформируется в структуру литературного текста. В монографии В. Семенова «Иосиф Бродский в северной ссылке: Поэтика автобиографизма» [26] рассматривается «автобиографический текст» И. Бродского. Автор исходит из того, что отношения текстов и биографии можно представить в виде тернарной структуры *текст – «автобиографический текст» – биография*, и постулирует двойствен-

ную природу самого поэтического текста, который одновременно является художественным произведением и композиционным элементом «автобиографического текста». Художественные тексты Бродского рассматриваются как жесты, поступки, значимые для творческой биографии поэта, а между поэтикой и литературным поведением устанавливаются отношения эквивалентности. Об этом же пишет известный французский исследователь автобиографии Ф. Лежен: «L'autobiographie ne peut donc pas être simplement un agréable récit de souvenir contes avec talent: elle doit avant tout essayer de manifester l'unité profonde d'une vie, elle doit manifester le sens, en obéissant aux exigences souvent contraires de la fidélité et de la cohérence. Raconter tout sa vie est impossible. L'autobiographie repose sur des séries de choix... Sont retenus et organisés tout les éléments qui ont un rapport avec ce que l'auteur pense être la ligne directrice de sa vie»⁷ [35, с. 21].

Эта проблема была намечена Ю. Лотманом применительно к жанру биографии («за каждым исследовательским приемом неизбежно возникает и исследовательская концепция» [14, с. 230]: так, анализируя биографическую книгу А. Гастева «Леонардо да Винчи», вышедшую в серии ЖЗЛ в 1984 г., Лотман говорит о различных потенциально возможных концепциях биографии Леонардо, которыми не воспользовался автор-биограф (наметить «тайны и загадки» жизни художника, заинтриговав читателя, а потом их разоблачать; вписать его биографию в готовую канву авантюрного повествования – жизнь его протекала на фоне яркой красочной эпохи и была чрезвычайно богата внешними событиями) и эксплицирует сущность биографической модели, выбранной Гастевым: он кладет в основу повествования метафору и именует героя Мастером, соединяя русский перевод итальянского ренессансного обращения с булгаковскими ассоциациями [21]. И если литературоведческой «традицией» является анализ степени правдивости, документальности автобиографического текста, особенностей отражения и преломления в нем обстоятельств личной жизни автора, то мы исходим из постулата фиктивности любого автобиографического романа как особой модели, конструкции, а не отражения реальности, поскольку основной каузальной доминантой автобиографического акта любого писателя вольно или невольно становится не задача объективного рассказа о своей «истинной жизни», а задача ее «переписывания» в нужном автору ключе.

Особенно важно отметить тот факт, что проблемы самопрезентации и самоконструирования субъекта в автобиографическом дискурсе находятся в центре внимания и других гуманитарных наук. Философско-антропологический подход к изучению феномена автобиографии выводит ее изучение на некий метауровень по отношению к конкретным гуманитарным дисциплинам и рассматривает как **культурно-личностную саморефлексию индивида, специфический культурный феномен, позволяющий преодолеть «кризис идентичности»**. Так, польский социолог Флориан Знанецкий определяет автобиографию как науку «о духе» и утверждает ее предметное поле: «гуманистические явления, будучи интерпретированы с точки зрения изучающего культуру, обязательно представляют собой конкретно-личностные, «чейные факты» [в отличие от «ничейных», абстрактных]. Они являются объектами переживаний, ощущений или деятельности, мыслительных или практических действий членов нашей собственной и других социальных групп. Эти конкретные личности точно так же, как и мы, видят, переживают и осмысливают гуманистические явления в той мере, в которой эти последние «даны» им. Мы воссоздаем эти объекты и деятельность по историческим источникам и памятникам такими, какими, по нашему представлению, они существовали в сознании тех или иных личностей в прошлые эпохи» [9, с. 106–107]. Иную трактовку автобиографии как специфического культурного текста мы встречаем в работе Л. М. Баткина «Европейский человек наедине с собой» где в качестве универсальной задачи автобиографии полагается самовыделение индивида в историческом пространстве и времени, что является «субстанциональным оправданием автобиографизма» [1, с. 139]. О проблеме самообретения и самоидентификации индивида в автобиографическом дискурсе в контексте взаимоотношений Я с Другими рассуждает Л. Ф. Новицкая в своей книге «Проблема нравственного самообретения в пространстве интерсубъективности» [18]. Автобиографический акт с этой точки зрения квалифицируется как определение субъектом собственной Я-концепции (создание образа самого себя в результате авторефлексивного опыта) и самоидентификация личности в автобиографическом письме. Автобиографическая самоидентификация осмысливается философами как преодоление комплекса противоречий между самоконструированием и реконструктивной деятельностью чита-

теля (Другого), между достоверностью и объективной документальностью и субъективным характером «Я-концепции», между стремлением к стабильной и завершенной самоидентификации и перманентным процессом перекодировки самооценок и, наконец, между Я как субъектом повествования и Я как объектом, закрепленным в тексте.

Особое место здесь занимает коллективный проект «Авто-био-графия», реализованный «кружком Подороги» в «Тетрадах по аналитической антропологии» [20]. Автобиографическое произведение воспринимается В. Подорогой как «орус», «дело всей жизни», то есть как возможность, потенциал, некая не до конца упорядоченная совокупность проектов и неоформленных импульсов, а текст становится способом его частичной и неполной репрезентации. В этом смысле термин автобиография рассматривается как совокупность трех компонентов, закрепляющих этот процесс: «авто» – возникающая у автора саморефлексивная интенция, «био» – плотная жизненная материя в процессе становления, жизненные процессы, «графия» – закрепление предыдущих факторов в самом письме, текстуализация саморефлексии и жизни субъекта, своего рода «запись жизни». Поэтому цель подобного подхода – исследование специфики автобиографического письма: «проанализировать ряд понятий, принадлежащих автобиографическому дискурсу <...> Перепроверка жанра. Как возможна *авто-био-графия*, но не как литературный жанр, а как концептуальное единство, как дискурс или высказывательный порядок⁸, продолжающий влиять на выработку нашего отношения к становлению экзистенциального опыта во времени <...> как история жизни может быть выражена в понятиях? <...> Предметная область автобиографии предстает в виде поля сражения, в котором участвуют наиболее влиятельные современные дискурсивные практики. В сущности, аналитическая работа сводится к реконструкции смысла, которым наделен тот или иной объект («автобиографический») в каждом из противоборствующих дискурсов» [20, с. 9].

Заметим, что типологически сходный принцип конструирования автобиографического нарратива теоретически обоснован и практически реализован в современной психологической науке⁹. Одной из быстро развивающихся современных тенденций в анализе автобиографического опыта в системе психологического консультирования является использование нарративного

подхода, при котором жизненный путь каждой личности воспринимается как осмысленное целое, существующее для других в форме завершенной (или рассказанной как завершенная) истории, текста/рассказа/легенды о себе, индивидуальной «мифологии». На уровне отдельного субъекта жизнь как единый, целостный и уникальный феномен конституируется как автобиографический нарратив, в котором уже произошедшие события жизни связываются в упорядоченную последовательность при помощи сюжетов.¹⁰ Таким образом, как утверждает Е. Е. Сапогова [25], автобиография является своеобразным синтезом осознания/означивания и бытийствования субъекта. «Автобиография представляет собой языковую идентификацию жизни» [29, с. 15], и она тоже подчинена законам наррации. Сам по себе жизненный опыт субъекта – это «черновики» огромного множества историй о себе, «испытательный полигон» для множества нарративных автобиографических проектов, в которых субъект ищет и утверждает свою целостность, свое «Я». Собственно, этим целям служит любая **автобиография как самосимволизация и самостабилизация, самоосмысление и самопрезентация себя в дискурсе** [22]. Автобиография рассматривается как самопроектирование личности и создание индивидуальной мифологии из личностных мифологем. Е. Сапогова в работе «Игры с самим собой: Я-метафоры в содержании индивидуальных нарративов субъекта» анализирует содержание индивидуальной Я-концептосферы субъекта на разных уровнях, выделяя, помимо уровней «Я-настоящего», «Я-реального», «уровень «фантастических Я» и «Я-метафор», который отражает то, каким, вероятно, субъект мог бы быть «не в этой жизни», исходя из известных, усвоенных из большой культуры и социума образцов поведения, ценностей, моральных норм и т. д. «Легенды о себе» могут использоваться и в целях глубинного познания себя, осознания своей подлинности, самопринятия и т. д. «Легенды о себе» – это своеобразные и глубоко интимные, сокровенные игры с самим собой, способствующие самопознанию, самопостроению и самопринятию» [24, с. 107].

Таким образом, автор автобиографии рассматривает свое бытие как единственную ценность и, создавая роман о самом себе, как бы берет других в свидетели тому, что оно единственно, неповторимо и незаменимо. Следовательно, одно из условий возникновения автобиографии – концепция оригинальности личной жизни, которое

возникло лишь в поздней цивилизации. В ранней истории человечества каждый индивид не противопоставлял себя другим, не чувствовал себя существующим вне остальных, а ощущал единым целым вместе с другими. Нет индивидуальной жизни – есть совместное бытие, контаминирующее ритмы отдельных жизней, нет обособления, изоляции – есть сплоченность, сцепление. Ясно, что автобиография невозможна в такой культурной ситуации, где самосознание субъекта не существует и где ментальной доминантой становится теория вечного возвращения в различных ее вариантах (мудрость Экклезиаста о том, что нет ничего нового под солнцем, теория переселения душ в индоевропейской культуре и т. д.). «Il faut d'abord que l'humanité soit sortie... du cadre mythique des sagesse traditionnelles, pour entrer dans le regne périlleux de l'histoire» [34, с. 19].¹¹

Осознание личностью своей собственной значимости, восхищение перед мистерией своего собственного предназначения связаны с коперниковским переворотом в истории: человек начинает осмыслять себя владельцем своей автономной сущности, пытается производить многочисленные операции маркирования себя на земле.¹² Отсюда – памятники, статуи, жизнеописания героев и царей и др. Но биография как литературный жанр представляет собой только внешнюю презентацию человека – историк отделен от своей модели прошедшим временем и большой социальной дистанцией. Автобиография же предполагает совпадение артиста и модели, их одновременность; человек рассматривает самого себя как достойного мемуаров. Нарцисс, увидев свое отражение в зеркале, умер от желания – любви к самому себе; в автобиографии автор испытывает такие же чувства к образу себя, к «я сам». Эта мифологема достаточно четко определяет ситуацию встречи человека со своим «я»: сама природа не предвидит этой встречи человека со своим отражением, и в этом смысле изобретение зеркала есть сильное потрясение для человеческого опыта.

Психоаналитики часто отмечают основную роль этого образа в развивающемся сознании ребенка, постепенно ощущающего свою индивидуальность (Ж. Лакан выделяет стадию зеркала как важнейший этап формирования «Я»). В возрасте шести месяцев маленький человек интересуется своим отражением, оставаясь индифферентным. Мало-помалу он открывает сущностный аспект своей идентичности, он видит себя как другого среди других, он располагает себя в общем про-

странстве. Весьма распространенный феномен – ощущение страха, странного беспокойства при виде себя на пленке видеокамеры или при прослушивании своего голоса на магнитофоне. Автор автобиографии одержим этим беспокойством, он подчиняется ему, оно водит его пером, побуждая искать свое собственное бытие. Таким образом, он ставит перед собой задачу: рассказать свою собственную жизнь, соединить ее разрозненные элементы и перегруппировать их в единый сюжет, расположить эти события в виде фильма согласно некоему сценарию. Автобиография – это своего рода *программа по конституированию единства жизни* на протяжении некоторого времени. Извне кажется, что это единство создается причинно-следственной цепочкой событий, но на самом деле структурирующая роль принадлежит неким общим сквозным мотивам, темам, схемам, благодаря которым в автобиографии воссоздается и начинает функционировать особое «жизненное поле», «пейзаж души», «государство души». Таким образом, антропологическая ценность автобиографии несомненна – это один из способов познания самого себя благодаря конституированию жизни в ее единстве. «En racontant mon histoire, je prends le chemin le plus long, mais ce chemin qui fait le tour de ma vie me mene plus surement de moi a moi-meme» [34, с. 226].¹³

Автобиография – это как бы *второе чтение жизненного опыта* и более правдивое, чем первое, так как оно уже осознано. Любое событие, взятое изолированно, отличается от того же события, встроенного в общую систему, в единый жизненный комплекс. Автобиография – не просто воспроизведение прошлого таким, каким оно было, это *попытка найти новую модальность своего бытия*, собрать рассеянное в пространстве и времени прошлое и перегруппировать его в иной временной ряд. Автобиография – это и своего рода самооправдание, «L'autobiographie est alors la dernière chance de regagner ce qui était perdu» [34, с. 228].¹⁴ Автор автобиографии, сам того не понимая, весьма вольно обращается со святой святых – своим прошлым. Он смешивает времена, подменяет повествовательную перспективу (точка зрения маленького ребенка – молодого человека – зрелого человека). Л. Толстой в «Войне и мире» ясно показал бесконечную разницу, которая существует между реальным боем, жизнью из минуты в минуту – и повествованием об этих баталиях, создающим определенный логический порядок благодаря воле историка, кото-

рый знает все перипетии боя. Подобный же «зазор» существует и между жизнью и автобиографией. Довольно распространенное заблуждение состоит в том, что автобиография предполагает логическую когерентность. Автобиография не есть последовательность чисто материальная – это мнение писателя, который хочет сделать преобладающей ту или иную версию своего прошлого, своей личной реальности. Автобиография – это *усиление, очищение, освобождение смысла жизни*: не случайно любое событие в нашей жизни мы воспринимаем под грифом «потом будет что вспомнить». Пересказывая его своим знакомым, мы с каждым новым пересказом убираем какие-то детали, слегка перестраиваем сюжет, добавляем новые штрихи – как бы исподволь готовя его к позднему включению в автобиографию. Девизом автобиографии можно считать формулу «Faire et en faisant se faire» [34, с. 234]¹⁵.

Библиографический список

1. Баткин, Л. М. «Европейский человек наедине с собой» [Текст] / Л. М. Баткин. – М., 2000.
2. Болотов, А. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. Т. 1–4 [Текст] / А. Болотов. – СПб., 1871–1873.
3. Большев, А. О. Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XX века : дис... д-ра филол. наук [Текст] / А. О. Большев. – СПб., 2003.
4. Брокмейер, Й., Харре, Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы [Текст] / Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 29–42.
5. Бронская, Л. И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья первой половины XX века (И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин) [Текст] / Л. И. Бронская. – Ставрополь, 2001.
6. Гаспаров, М. Л. Светоний и его книга [Текст] / М. Л. Гаспаров // Светоний Г. Т. Жизнь двенадцати цезарей. – М., 1991.
7. Добринин, Г. И. Истинное повествование, или жизнь Гавриила Добринина [прожившего 72 года, 2 месяца, 20 дней], им самим писанная в Могилеве и Витебске [Текст] / Г. И. Добринин. – СПб., 1872.
8. Жукова, Н. Н. Проблема становления творческой личности в художественных биографиях Б. К. Зайцева [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Жукова. – М., 1993.
9. Знанецкий, Ф. Мемуары как объект исследования [Текст] / Ф. Знанецкий // Социологические исследования. – 1995. – № 4. – С. 106–107.
10. Калашников, Т. П. Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом

- описанная с 1762 по 1794 год [Текст] / Т. П. Калашников // Русский архив. – 1904. – Кн. 2. – Вып. 10.
11. Калмыкова, Е. С., Мергенталер, Э. Нарратив в психотерапии: рассказы пациентов о личной истории [Текст] / Е. С. Калмыкова, Э. Мергенталер // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – № 5. – С. 97–103.
12. Кашпур, О. А. Становление жанра литературного портрета в творчестве Б. К. Зайцева [Текст] / О. А. Кашпур // Проблемы эволюции русской литературы XX в. – Вып. II. – М., 1995.
13. Кованова, Е. А. Риторика автобиографического дискурса: На материале автобиографий американских деятелей политики и искусства [Текст]: дис ... канд. филол. наук [Текст] / Е. А. Кованова. – СПб., 2005.
14. Лотман, Ю. М. Биография – живое лицо [Текст] / Ю. М. Лотман // Новый мир. – 1985. – № 2. – С. 228–236.
15. Лотман, Ю. М. История и типология русской культуры [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб., 2002.
16. Медарич, М. Автобиография / автобиографизм [Текст] / М. Медарич // Автоинтерпретация. – СПб., 1998.
17. Николина, Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы [Текст]: учебное пособие / Н. А. Николина. – М., 2002.
18. Новицкая, Л. Ф. Проблема нравственного самообретения в пространстве интерсубъективности [Текст] / Л. Ф. Новицкая. – Великий Новгород, 2000.
19. Паперно, И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма [Текст] / И. Паперно. – М., 1996.
20. Подорога, В. А. Материалы к психобиографии С. М. Эйзенштейна [Текст] / В. А. Подорога // Автобио-графия. К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии. № 1. Под редакцией В. А. Подороги. Серия «Ессе homo». – М., 2001. – С. 11–140.
21. Руднев, В. Морфология реальности [Текст] / В. Руднев. – М., 1996.
22. Сапогова, Е. Е. «Легенды о себе»: к проблеме интерпретации личностных мифологем взрослых в психологическом консультировании [Текст] / Е. Е. Сапогова // Психологическая служба (Минск). – 2003. – № 2. – С. 88–102.
23. Сапогова, Е. Е. Жизнь и судьба: построение индивидуальной мифологии, самопроектирование и субкультура личности [Текст] / Е. Е. Сапогова // Известия ТулГУ. Серия «Психология». – Вып. 3. – Тула, 2003. – С. 195–214.
24. Сапогова, Е. Е. Игры с самим собой: Я-метафоры в содержании индивидуальных нарративов субъекта [Текст] / Е. Е. Сапогова // Вторая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии (Звенигород, 2–5 мая 2004 г.). Материалы сообщений. – М., 2004. – С. 104–107.
25. Сапогова, Е. Е. Человек как знак для самого себя: о концептах самоинтерпретации и самопостроения субъекта [Текст] / Е. Е. Сапогова // Развивающийся человек в пространстве культуры: Психология гуманитарного знания: тезисы Всероссийской научно-практической конференции [Тула, 26–27 октября 2004 г.]. – Тула, 2004. – С. 191–197.
26. Семенов, В. Иосиф Бродский в северной ссылке: Поэтика автобиографизма [Текст] / В. Семенов. – Тарту, 2004.
27. Симонова, Т. Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра: учеб. пособие [Текст] / Т. Г. Симонова. – Гродно, 2002.
28. Фридман Дж., Комбс Дж. Конструирование иных реальностей: Истории и рассказы как терапия [Текст] / Дж. Фридман, Дж. Комбс. – М., 2001.
29. Хеннингсен Ю. Автобиография и педагогика [Текст] / Ю. Хеннингсен. – М., 2000.
30. Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел [Текст] / Дж. Хиллман. – СПб., 1997.
31. Brooks P. Reading for the Plot. Design and Intention in Narrative. – Cambridge: Harvard, 1984.
32. Bruner J. The Autobiographical Process // The Culture of Autobiography. Construction of Self-Representation. Irvine Studies of Humanities. – Stanford, California, 1993. – P. 38–56.
33. Dictionnaire de l'Academie francaise. – Paris, 1836.
34. Gusdorf G. Conditions et limites de l'autobiografie. // Formen der Selbstdarstellung Festgabe fur Fritz Neubert. – Berlin, 1956.
35. Lejeune P. L'autobiografie en France. – Paris, 1971.
36. Voisine J. Naissance et evolution du terme litteraire «autobiografie» // La litterature comparee en Europe orientale. Conference de Budapest, 26–29 octobre, 1962. – Bud., 1963.

Bibliograficheskiy spisok

1. Batkin, L. M. «Evropejskij chelovek naedine s soboj» [Текст] / L. M. Batkin. – М., 2000.
2. Bolotov, A. Zhizn' i prikljuchenija Andreja Bolotova, opisannye im samim dlja svoih potomkov. T. 1–4 [Текст] / A. Bolotov. – СПб., 1871–1873.
3. Bol'shev, A. O. Ispovedal'no-avtobiograficheskoe nachalo v russkoj proze vtoroj poloviny XX veka: dis... d-ra filol. nauk [Текст] / A. O. Bol'shev. – СПб., 2003.
4. Brokmejer, J., Harre, R. Narrativ: problemy i obeshhanija odnoj al'ternativnoj paradigmy [Текст] / J. Brokmejer, R. Harre // Voprosy filosofii. – 2000. – № 3. – С. 29–42.
5. Bronskaja, L. I. Koncepcija lichnosti v avtobiograficheskoj proze russkogo zarubezh'ja pervoj poloviny NN veka (I. S. Shmelev, B. K. Zajcev, M. A. Osorgin) [Текст] / L. I. Bronskaja. – Stavropol', 2001.

6. Gasparov, M. L. Svetonij i ego kniga [Tekst] / M. L. Gasparov // Svetonij G. T. Zhizn' dvenadcati cezarrej. – M., 1991.
7. Dobrinin, G. I. Istinoe povestvovanie, ili zhizn' Gavriila Dobrinina [prozhivshogo 72 goda, 2 mesjaca, 20 dnei], im samim pisannaja v Mogileve i Vitebske [Tekst] / G. I. Dobrinin. – SPb., 1872.
8. Zhukova, N. N. Problema stanovlenija tvorcheskoj lichnosti v hudozhestvennyh biografijah B. K. Zajceva [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / N. N. Zhukova. – M., 1993.
9. Znanekij, F. Memuary kak ob#ekt issledovanija [Tekst] / F. Znanekij // Sociologicheskie issledovanija. – 1995. – № 4. – S. 106–107.
10. Kalashnikov, T. P. Zhizn' neznamenitogo Timofeja Petrovicha Kalashnikova, prostym slogom opisannaja s 1762 po 1794 god [Tekst] / T. P. Kalashnikov // Russkij arhiv. – 1904. – Kn. 2. – Vyp. 10.
11. Kalmykova, E. S., Mergentaler, Je. Narrativ v psihoterapii: rasskazy pacientov o lichnoj istorii [Tekst] / E. S. Kalmykova, Je. Mergtaler // Psihologicheskij zhurnal. – 1998. – T. 19. – № 5. – S. 97–103.
12. Kashpur, O. A. Stanovlenie zhanra literaturnogo portreta v tvorcestve B. K. Zajceva [Tekst] / O. A. Kashpur // Problemy jevoljucii russkoj literatury HH v. – Vyp. II. – M., 1995.
13. Kovanova, E. A. Ritorika avtobiograficheskogo diskursa: Na materiale avtobiografij amerikanskih dejatelej politiki i iskusstva [Tekst] : dis ... kand. filol. nauk [Tekst] / E. A. Kovanova. – SPb., 2005.
14. Lotman, Ju. M. Istorija i tipologija russkoj kul'tury [Tekst] / Ju. M. Lotman. – SPb., 2002.
15. Lotman, Ju. M. Biografija – zhivoe lico [Tekst] / Ju. M. Lotman // Novyj mir. – 1985. – № 2. – S. 228–236.
16. Medarich, M. Avtobiografija / avtobiografizm [Tekst] / M. Medarich // Avtointerpretacija. – SPb., 1998.
17. Nikolina, N. A. Pojetika russkoj avtobiograficheskoy prozy [Tekst] : uchebnoe posobie / N. A. Nikolina. – M., 2002.
18. Novickaja, L. F. Problema npravstvennogo samoobretenija v prostranstve intersub#ektivnosti [Tekst] / L. F. Novickaja. – Velikij Novgorod, 2000.
19. Paperno, I. Semiotika povedenija: Nikolaj Cherynshevskij – chelovek jepohi realizma [Tekst] / I. Paperno. – M., 1996.
20. Podoroga, V. A. Materialy k psihobiografii S. M. Jeizenshtejna [Tekst] / V. A. Podoroga // Avto-biografija. K voprosu o metode. Tetradi po analiticheskoj antropologii. № 1. Pod redakciej V. A. Podorogi. Serija «Ecce homo». – M., 2001. – S. 11–140.
21. Rudnev, V. Morfologija real'nosti [Tekst] / V. Rudnev. – M., 1996.
22. Sapogova, E. E. «Legendy o sebe»: k probleme interpretacii lichnostnyh mifologem vzroslyh v psihologicheskom konsul'tirovanii [Tekst] / E. E. Sapogova // Psihologicheskaja sluzhba (Minsk). – 2003. – № 2. – S. 88–102.
23. Sapogova, E. E. Zhizn' i sud'ba: postroenie individual'noj mifologii, samoproektirovanie i subkul'tura lichnosti [Tekst] / E. E. Sapogova // Izvestija TulGU. Serija «Psihologija». – Vyp. 3. – Tula, 2003. – S. 195–214.
24. Sapogova, E. E. Igry s samim soboj: Ja-metafory v sodержanii individual'nyh narrativov sub#ekta [Tekst] / E. E. Sapogova // Vtoraja Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija po jekzistencial'noj psihologii (Zvenigorod, 2–5 maja 2004 g.). Materialy soobshhenij. – M., 2004. – S. 104–107.
25. Sapogova, E. E. Chelovek kak znak dlja samogo sebja: o konceptah samointerpretacii i samopostroenija sub#ekta [Tekst] / E. E. Sapogova // Razvivajushhij chelovek v prostranstve kul'tury: Psihologija gumanitar-nogo znaniya : tezisy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Tula, 26–27 oktjabrja 2004 g.]. – Tula, 2004. – S. 191–197.
26. Semenov, V. Iosif Brodskij v severnoj ssylke: Pojetika avtobiografizma [Tekst] / V. Semenov. – Tartu, 2004.
27. Simonova, T. G. Memuarnaja proza russkih pisatelej XX veka: pojetika i tipologija zhanra: ucheb. posobie [Tekst] / T. G. Simonova. – Grodno, 2002.
28. Fridman Dzh., Kombs Dzh. Konstruirovanie inyh real'nostej: Istorii i rasskazy kak terapija [Tekst] / Dzh. Fridman, Dzh. Kombs. – M., 2001.
29. Henningsen Ju. Avtobiografija i pedagogika [Tekst] / Ju. Henningsen. – M., 2000.
30. Hillman Dzh. Isceljajushhij vymysel [Tekst] / Dzh. Hillman. – SPb., 1997.
31. Brooks P. Reading for the Plot. Design and Intention in Narrative. – Cambridge: Harvard, 1984.
32. Bruner J. The Autobiographical Process // The Culture of Autobiography. Construction of Self-Representation. Irvine Studies of Humanities. – Stanford, California, 1993. – P. 38–56.
33. Dictionnaire de l'Academie francaise. – Paris, 1836.
34. Gusdorf G. Conditions et limites de l'autobiografie. // Formen der Selbstdarstellung Festgabe fur Fritz Neubert. – Berlin, 1956.
35. Lejeune P. L'autobiografie en France. – Paris, 1971.
36. Voisine J. Naissance et evolution du terme litteraire «autobiografie» // La litterature comparee en Europe orientale. Conference de Budapest, 26–29 octobre, 1962. – Bud., 1963.

¹ См. Болотов А. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков [8], Калашников Т. П. Жизнь незаменитого Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная с 1762 по 1794 г. [16], Добринин Г. И. Истинное повествование, или жизнь Гавриила Добринина (прожившего 72 года, 2 месяца, 20 дней), им самим писанная в Могилеве и Витебске [13].

² Автобиография, существительное женского рода – биография, написанная от руки или рукопись (здесь и далее перевод мой – Е. Б.)

³ Жизнь человека, написанная им самим.

⁴ Так, в монографии А. Большева «Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XX века» [9] автобиографическое произведение рассматривается в исповедальном ключе как иллюстрация авторских комплексов и «жизненных травм», Т. Симонова в монографии «Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра» пишет, что «мемуары могут быть более или менее автобиографичными» [33, 24], О. А. Кашпур в статье «Становление жанра литературного портрета в творчестве Б. К. Зайцева» [18] прослеживает этапы становления зайцевского автобиографизма, обнаруживая его в ранних произведениях, о «скрытом автобиографизме» творчества Б. К. Зайцева пишет Н. Н. Жукова [14] и т. п.

⁵ Об ориентации жанра автобиографии на внетекстовую действительность и достоверности как основной категории жанра см. Медарич М. Автобиография / автобиографизм // Автоинтерпретация [22]; «автобиограф отражает объективную реальность» [11], «автобиография предполагает установку на достоверное сообщение об основных фактах и событиях жизни автора» [23, 11].

⁶ Существование оппозиции «автобиографизм – автобиография», вероятно, можно объяснить историей функционирования термина «автобиография». Весь существующий в теории литературы спектр определений данной категории, по сути, сводится к двум противоположным полюсам – узкому и широкому значению слова. В 1866 г. Ларусс определил автобиографию как «жизнь индивида, написанную им самим». Вапро же в «Универсальном словаре» (1876) значительно расширил это понимание: «...автобиография – это литературное произведение, где автор имеет тайное или явное намерение рассказать о своей жизни, выразить свои мысли и чувства», меру же автобиографизма должен определить сам читатель. Именно поэтому появившееся вслед за тем прилагательное «автобиографический» явно употребляется во втором смысле, сформулированном Вапро, а существительное «автобиография» начинает использоваться преимущественно в смысле Ларусса.

⁷ «Автобиография не может быть просто талантливым рассказом о приятных воспоминаниях: она прежде всего должна попытаться выявить глубинное единство жизни и манифестировать ее общий смысл, подчиняясь требованиям, зачастую противоречащим верности и когерентности изображения. Рассказать всю свою жизнь невозможно.

Автобиография должна сделать серию выборов – автор должен выделить главную направляющую линию своей жизни и выстроить согласно ей все элементы своего текста – свои воспоминания».

⁸ Проблемам риторики автобиографического дискурса посвящена диссертация Е. А. Ковановой «Риторика автобиографического дискурса: На материале автобиографий американских деятелей политики и искусства» [19], где автобиография рассматривается как особый тип дискурса, как самопрезентация субъекта-языковой личности и выявляются разнообразные дискурсивные стратегии, реализующейся в системе риторических приемов (идентификации, позитивной саморепрезентации, дидактичности, самоапологии и др.), которые являются средством моделирования автобиографа как языковой личности.

⁹ Подобный подход разработан в многочисленных трудах Е. Е. Сапоговой: «Человек как знак для самого себя: о концептах самоинтерпретации и самопостроения субъекта» [31], «Легенды о себе»: к проблеме интерпретации личностных мифологем взрослых в психологическом консультировании» [28], «Игры с самим собой: Я-метафоры в содержании индивидуальных нарративов субъекта» [30], «Жизнь и судьба: построение индивидуальной мифологии, самопроектирование и субкультура личности» [29] и др.

¹⁰ Об этом же см.: Bruner J. The Autobiographical Process [1], Brooks P. Reading for the Plot. Design and Intention in Narrative [2], Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы [10], Калмыкова Е. С., Мергенталер Э. Нарратив в психотерапии: рассказы пациентов о личной истории [17], Фридман Дж., Комбс Дж. Конструирование иных реальностей: Истории и рассказы как терапия [34], Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел [35].

¹¹ Чтобы возникла автобиография, человечество должно выйти из «мифологического «кадра» традиционных мудростей и войти в опасное измерение истории

¹² Именно поэтому автобиографический роман – это явление, свойственное более европейской культуре, и пожалуй, единственное исключение из этой закономерности мы находим в китайской литературе конца XVIII века (автобиография Чен Фу (1763–1809)).

¹³ Рассказывая мою историю, я выбираю самую длинную дорогу, но эта дорога, проходящая через мою жизнь, наверняка приведет меня к самому себе.

¹⁴ Автобиография – это последний шанс выиграть, вернуть то, что раньше проиграл.

¹⁵ Создавать текст и, создавая его, создаваться самому.